

ОТЗЫВ

на диссертацию И.А. Панкова «Культ Йусуфа Хамадани в центральноазиатском исламе как социокультурный феномен», представленную на соискание степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 (этнография, этнология, антропология)

Диссертация И.А. Панкова посвящена изучению известного этнографического объекта - мазара мусульманского святого Юсуфа Хамадани в Хорезме. Тема выбрана необычная: чаще диссертанты останавливаются на объектах малоисследованных, а культ святого Юсуфа именно в Хорезме довольно хорошо изучен предшественниками, прежде всего Г.П. Снесаревым. Это обстоятельство показалось мне по-своему интересным как отражение позиции молодого исследователя по отношению к т.н. «традиционной этнографии» «старших поколений» отечественных этнографов.

Начинается работа с повествования о генезисе, этапах развития, агиографии и о прочих общих данных, касающихся главного персонажа – святого Юсуфа Хамадани, поэтому первая глава, естественно, носит историографический и отчасти реферативный характер. Но помимо этого она также содержит множество сведений общерелигиоведческого характера, более уместных, на мой взгляд, в лекциях по истории религий или необходимых широкому читателю, но, как кажется, излишних в диссертационном сочинении. (Пример - пассажи о происхождении культа святых от культа умерших предков и т.д. – с обильным цитированием известной книги С.А.Токарева). В целом обзор литературы по теме диссертации оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, автор несомненно хорошо ориентирован в публикациях (в том числе иностранных) о культе святых в Средней Азии; им также основательно проработаны и использованы данные отечественных авторов, особенно 60-80-х гг. А с другой стороны, более поздним работам наших коллег уделено гораздо меньше внимания. Например, список использованной литературы показывает, что диссертант знаком с публикациями Р.Р. Рахимова, В.Л. Огудина, Н.С. Терлецкого, М.Е. Резван, И.В. Стасевич, К.С. Васильцова, Р. Мурадова, Ю.А. Аверьянова, П.В. Башарина, и они по большей части упоминаются в тексте диссертации, но лишь вскользь. Это жалко, поскольку здесь явно не хватает основательного анализа отечественных сочинений последних двух десятилетий о культе святых в Средней Азии, так как именно они, собранные вместе, дают очевидное основание утверждать, что на этом направлении исследований уже появились новые вопросы и проблемы, связанные с современной трансформацией этого религиозного

института. К ним относится, например, фиксация разных типов традиционных и современных «святых мест», персонажей и разнообразных локальных практик поклонения, выяснение вопроса о современном толковании «святости» у мусульман, о социальном аспекте функционирования мазаров, наконец, о причинах тщательного (и успешного!) сохранения доисламских пережитков на мазарах. Множество вариантов аналогичных сведений фиксируют сейчас этнографы не только в разных уголках Средней Азии, но и в Сибири, на Северном Кавказе, в Поволжье и прочих местах расселения мусульман. Вот такой внятной панорамы, научного фона, на котором работает сам диссертант, мне несколько не хватило в тексте. Хотя, повторю, вся эта литература ему известна и сама диссертация Панкова хорошо вписывается в это русло.

Гораздо информативнее выглядит вторая глава, в которой поставленные диссертантом задачи проявлены чётче: анализ современного состояния культа святого Юсуфа Хамадани в Хорезме путем изучения его локального пространства и проводимых там сакральных практик. Здесь автор, естественно, отталкивается от данных Снесарева (полувековой давности), и таким образом имеет возможность сравнить их со своими полевыми записями, выявить сохранившиеся, модернизированные фрагменты былого и уловить инновации в сегодняшнем существовании культового комплекса.

Опираясь на агиографические и легендарные (фольклорные) сведения и на свои полевые материалы, автор рассказывает о биографии святого Юсуфа, о его удивительных способностях к исцелению душевнобольных, и т.п. Причем сам диссертант не считает собранные им на мазаре данные о Юсуфе подлинными (с.112), но, как кажется, они важны уже тем, что доносят до нас основную канву народных представлений о шейхе (особенно о его целительном даре). По нынешним временам это особенно важно и к тому же непосредственно связано с пространственной структурой всего святилища в Хорезме, фактически восстановленного заново после периода советского запустения (в 1994 г.).

Подробное описание всего комплекса зданий и объектов поклонения выявило наличие двух пространственных зон: первая - территория вокруг усыпальницы самого святого и двух его сподвижников (включая также родник и кладбище), которая «охватывает» основной маршрут прибывающих паломников и является как бы «официальной», «фасадной» частью всего комплекса. Вторая зона находится рядом, но чуть в отдалении, там функционирует другая инфраструктура – из нескольких могил «помощников святого» (по Снесареву - представлявших собой собирательные образы духов умерших предков, совмещенных с мифическими патронами ремесел у мусульман). Это тоже весьма почитаемые (особенно женщинами) места - пять могил «помощников» разбросаны по глухим уголкам кладбища, среди «благодатных» деревьев, так что

основной поток паломников не всегда доходит до них. Автор осторожно предполагает, что, возможно, на этом месте когда-то существовал некий древний сакральный центр, хотя никаких достоверных научных подтверждений этому - ни археологических, ни письменных - пока нет. Но для нас важно, что в народной памяти они по-прежнему живы, «действуют» и поклонение им, по-видимому, совсем не прекращалось и в XX в., а теперь, как выяснил диссертант, и сами могилы «помощников» были вновь «установлены» (в 2007 г.!).

Также вызывают интерес материалы этой же главы о культовой и внекультовой деятельности в обеих зонах мазара. Конечно, многие сакральные практики теперь уже ушли в прошлое (например, устройство *сайлей* по праздникам), но важно другое - сохранился (пусть в урезанном виде) сам принцип сосуществования в пределах одного комплекса (с традиционной бинарной структурой) двух соответствующих типов сакральных практик. Одна – общепринятые формы почитания суфийских шейхов, а вторая практика - вокруг могил святых «помощников», впитавшая в мусульманство более древние местные элементы.

Наибольший интерес, с моей точки зрения, представляет третья глава. Хочется обратить внимание на одну чрезвычайно важную черту этой диссертации: в круг активного внимания автора включен не только непосредственно сам объект (культ святого Юсуфа на конкретном мазарном комплексе в Хорезме), но ещё и методика работы с ним. Заметное внимание к этой стороне дела - относительно редкое качество в диссертациях, чаще всё сводится к формальному перечислению общепринятых методов (сравнительно-исторического, структурно-функционального и т.п.). И.А. Панков тоже использует их и другие привычные принципы (тот же историзм, объективность, системность в подходе) и методы опроса (генеалогический и биографический способ, включенное наблюдение, интервью и т.п.), но ещё он пытается творчески использовать подходы и концепты западной антропологии (идеи К. Гирца, П. Рикёра, и особенно П. Бурдьё), в последние десятилетия особенно популярные среди отечественных ученых. Отталкиваясь от теории П. Бурдьё, диссертант тоже рассматривает изучаемый им культурно-религиозный объект ещё под одним углом зрения – как особое *социальное пространство*. Оно, как выяснилось, полностью соответствует территориальной структуре комплекса - двум группам святилищ: основной («легитимной») и периферийной («нелегитимной»). (Здесь, замечу в скобках: использование эпитета - «нелегитимное» пространство на мазаре не кажется мне удачным: по сути оно понятно и верно, но лишь с нашей, «сторонней» точки зрения, а сами таджики и узбеки спокойно считают всё это и «своим, старинным, традиционным» и «мусульманским» одновременно).

Далее автор характеризует основных, традиционных действующих лиц, участвующих в организации всего процесса паломничества и непосредственно отправляющих различные церемонии и ритуалы (группы *ходжей, ишанов, шейхов, аксакалов, мулл, табибов* и др.). При этом оказывается, что разным религиозным практикам в двух зонах мазарного комплекса соответствуют разные группы действующих лиц и основных персонажей («агентов»). На центральном святилище главенствовал имам Сулейман со своим окружением, поэтому была составлена его биография, генеалогия его и ближайших родственников, выявлены наиболее авторитетные персоны, обеспечивающие ему популярность в народе и устойчивые контакты среди духовного начальства и местных властей. Так же охарактеризованы другие фигуры из его административно-управленческого и организационного персонала, непосредственно обслуживающего паломников обеих частей *зияратгоха*, определена даже степень их влияния среди разных групп паломников (мужчин и женщин, прибывших издалека и местных жителей). Ради этого диссертант сравнивал всех этих персонажей по нескольким параметрам («капиталам», используя риторику и методику П. Бурдьё), - по экономической «силе», по богатству социальных связей, широте культурного опыта, глубине и качеству религиозных познаний и в конечном счете - по уровню «символического капитала», то есть уровня их престижности и репутации в народе и среди паломников.

Как уже отмечалось, вторая зона мазарного комплекса, расположенная несколько в стороне от официальных паломнических маршрутов, оказалась несколько автономной не только пространственно, но и социально. Её курирует неформальный лидер, представляющий совсем иной тип религиозных деятелей Средней Азии, – *фолбин*, влиятельная и авторитетная женщина, знаток местных верований и магических обрядов. Её социальная значимость определена в тех же параметрах («капиталах»), что и у имама (официального главы всего комплекса), и это наглядно демонстрирует её высокую популярность в народе. Так что вклад обеих властных группировок в пропаганду и популярность культа святого Юсуфа становится особенно ощутимым, а их деятельность и все проводимые на мазаре сакральные практики (и в центральной части, и на периферийных объектах) воспринимаются, несмотря на очевидные отличия, как единый, живой, действующий организм - паломнический комплекс *зияратгох*.

Обычай паломничества к св. Юсуфу Хамадани в Хорезме существует издавна, но его современное состояние определяется автором как налаженное предприятие, напрямую поддерживаемое властями и зависимое от политических преобразований в Узбекистане последней четверти века. За счет чего продолжает существовать и, судя по описаниям,

процветать вторая зона комплекса, автор высказывается менее определенно: справедливо ссылаясь на культурную преемственность и популярность в народной среде (особенно среди женщин) некоторых «омусульманенных» старинных верований и обрядов. Хотелось бы услышать и другие объяснения, напрямую связанные с радикальными изменениями в семейной сфере таджиков и узбеков в начале XXI в.; впрочем, это - задача для будущих исследований.

В заключение повторю: новизна представленной работы И.А.Панкова заключается не просто в собирании разрозненных в литературе данных о культе Юсуфа Хамадани в Хорезме, но прежде всего в авторском полевом материале, описывающем современную ситуацию. Кроме того, автор использует при анализе наряду с традиционными ещё и новейшие подходы и способы изучения культа святых (как социокультурного феномена). Кстати, несколько слов о популярной среди современных отечественных исследователей концепции Бурдые. Сейчас уже раздаются голоса, сомневающиеся в её абсолютной прикладной значимости к неевропейским условиям (см., например, статью М. Илле, М. Соколова, 2018, ж. Мир России, №2). Однако использование элементов этой концепции И.А. Панковым в данной диссертации оказалось весьма целесообразным, причем результаты анализа социального поля вокруг мазара прекрасно увязываются с другими, традиционными аспектами его изучения. Полагаю, материалы и выводы диссертации важны не только сами по себе, но и в контексте изучения культа мусульманских святых и института паломничества по всей Средней Азии (и всего Туркестана, если вспомнить о тюркоязычных мусульманах Синьцзяна!). Сейчас изучение «народного ислама» вновь актуализировалось (по понятным причинам) и у нас есть все основания ожидать в ближайшем будущем создания общими усилиями современной модели культа мусульманских святых в Центральной Азии начала XXI века.

Выводы автора о модернизированном варианте культа Юсуфа Хамадани в Хорезме актуальны прежде всего в политическом и социально-экономическом плане (переход центральной зоны паломничества в статус предприятия, нацеленного на развитие практики религиозного туризма и поддерживаемого в том числе и властями). Но с другой стороны, эта ведущая тенденция развития современного среднеазиатского ислама совсем не исключает существования не афишируемой и тем не менее также популярной версии простонародного ислама. Изучение последней и их сочетания с «официальным» исламом тоже весьма актуально - уже в научном плане.

В целом оценивая труд И.А. Панкова положительно, необходимо отметить, что, к сожалению, работа несвободна от мелких небрежностей в оформлении, которые снижают общее впечатление. Например, в «Библиографии»: В.Н. Башилов и Г.П. Снесарев - не

авторы, а редакторы сборника ИЭ РАН «Домусульманские верования и обряды в Средней Азии и Казахстане» (1975 г.); или - там же упомянута одна трехстраничная заметка Н.С. Терлецкого о почитании святых мест в Средней Азии (2011 г.), а несколько его обстоятельных статей на ту же тему в списке отсутствуют. В тексте много опечаток (вроде «мздаимских культов» или газеты «Туркменские ведомости» и т.д.).

Несмотря на указанные просчёты, следует признать главное: И.А. Панкову удалось показать с разных сторон функционирование одного из крупных святилищ Хорезма и тем самым отчасти продемонстрировать современное состояние протонародного ислама в этой части среднеазиатского региона. Его научные выводы хорошо обоснованы и достоверны. Таким образом, диссертация И.А. Панкова «Культовый феномен Йусуфа Хамадани в центральноазиатском исламе как социокультурный феномен», представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук, соответствует требованиям Положения ВАК о порядке присуждения ученых степеней, а её автор достоин присуждения ему искомой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – Этнография, этнология, антропология.

Подпись Чвырь Л.А.
Людмила Анатольевна Чвырь
Ученый секретарь ФГБУН ИВ РАН
доктор исторических наук, А.В. Демченко
«1» марта 2019 г.
гл. научный сотрудник отдела истории и культуры Древнего Востока
Института востоковедения РАН.
107031, Москва, ул. Рождественка, д.12.
Телефон 8(495) 6217144
E-mail: lchvyr@yandex.ru

1 марта 2019 г.